

ЛЮК

Арчи. Так его называли родители. Уж очень им хотелось, чтобы ребёнок имел необыкновенное и звучное имя. Тем более, оно весьма неплохо сочеталось с родительскими Луником и Даздрапермой. Если с маминым именем всё понятно и прозрачно, оно трактуется как – Да здравствует Первое мая, то с папиным вышло несколько сложнее. Расшифрованная аббревиатура гласит: Ленин умер, но идеи крепнут. Так и получился Арчибальд. Не расшифровывается никак, но зато – звучно, красиво, мужественно и слегка отдаёт заграницей. Родители, правда, не шибко думали о взрослом наречении отпрыска: Арчибальд Луникович – поди – выговори. Язык сломаешь. Равно, что, к примеру: Домна Евстафьевна. Так и просится на вариант Дом Гестаповны. Потому, видимо, к нему с малых ногтей прилипло короткое, ёмкое и понятное сразу – Арчи. Вроде – кличка. А если подумать – самое настоящее имя...

Он слонялся по ночному городу. Вокруг всё реже пролетали авто с больными и подвыпившими седоками. Осень подошла к финишу, редкие кучки палых листьев встречались всё меньше. Днём их сгребали в мешки, увозили за самые дальние дома города – на полигон. Пока эти нечастые холмики привлекали внутренним теплом, предлагали ночлег таким бездомным, как Арчи. Именно в лёгком шорохе разноцветных трупиков можно скоротать тёмное время суток и не замёрзнуть. В них Арчи провёл несколько последних ночей.

Настоящая беда, когда зима вступает в свои права. Холод ползёт по воздуху, по земле, вдоль стен и заборов. Он напоминает неотвратимое зло. От него сложно укрыться или спрятаться. Его можно только пережить. Но каждый раз приходится пускаться на всевозможные и невозможные уловки: то прижиматься к теплотрассе в неприметном уголке, то находить заброшенные дома, проникать в предбанники котельных, подвалы... А, по много-

численным слухам и предположениям, нынешняя зима предстояла суровой и затяжной. Требовалось думать и искать новые варианты для выживания. Один из выходов — им пользовался один из добрых приятелей Арчи — забраться в бакалейную лавку — наестся до отвала, а там можно и в кутузку. Зима пройдёт на казённых харчах, в тёплом местечке. Разве этого мало?! Но так поступить ему не позволяла совесть. Откуда-то в крови существовало это странное понятие, определение или чувство. Или — всё вместе взятое?

С детства Арчи понимал, что самые дорогие в жизни штуковины: жизнь, любовь и свобода. И все они стоят невероятно дорого! Первое даётся неожиданно, порой случайно даже и отнимется в одночасье, врасплох, бесповоротно. Второе сладостно кружит голову, радует, болит, мучает, доставляет мириады разнообразных ощущений, приходит ошеломляюще. Проходит время, и любовь странным образом у кого-то теряется в складках пальто или вместе с кольцами, запонками. Но кому-то до самого последнего вздоха позволяет дышать ароматами счастья и нежности. Эти два счастливица потратили массу сил, смогли сохранить самое важное чувство — прошли по жизни рука об руку и даже последний выдох сделали вместе. Третье — невероятно мощная и привлекательная категория. И нет ещё на свете таких денег, за которые покупаются или продаются эти три вещи. За любовь и свободу многие отдали самое драгоценное — жизнь. Хотя... кому-то шелестящие купюры и звон монет важнее и нужнее. Но они, как царь Кошей, над золотом чахнут... Арчи ценил всё. Только вот сейчас искал возможность перегнуть зиму. Банально — выжить, чтобы уловить первые запахи весны. Они будут прятаться под снегом, но в воздухе уже появится волшебный запах...

Когда-то неизвестный старик рассказал им, дворовым малышам, сказку про тёплый люк. Да-да, простой металлический люк с логотипом завода, что произвёл на свет эту фантастическую штуковину, спас старику жизнь. В тот миг, когда холода сковали оконные проёмы своими узорами, реки укрылись толстым слоем льда, а улицы городов завалило снегом, старик — тогда ещё вполне себе привлекательная личность — готовился к смерти. Спрятаться от непогоды оказалось некуда. Он тащился по продрогшей мостовой, клацал зубами, прижимался к стене подворотни и — вдруг уловил запах тепла. Оно поднималось несколькими струйками из круглой темноты. Старик подошёл, пригляделся. Он понял, что это — шанс выжить. Единственный. Последний. Он свернулся калачиком, лёг и согрелся. Силы постепенно вернулись к нему. Днём он мотался по помойкам и дворам в поисках еды, а к вечеру возвращался к люку. Так он не просто дождался тепла. Выжил!

Арчи вспомнил эту историю, когда сил таскаться по городу не осталось. Он собрался духом, заставил тело двигаться в поисках спасения. В голове коротко пульсировало одно слово: «Люк-люк-люк». Он должен был отыскаться хотя бы потому, что у Арчи не осталось ничего, кроме жизни и свободы. Любовь кончилась душераздирающе неожиданно. Затерялась в одном из миллионов блочных домов. Внутри Арчибальда осталась пронизывающая боль,

безумная, со слезами, которые он глотал вместо воды. С разорванным нутром — кровоточащим, незаживающим — бездомный семенил по улице.

Снег наступал не только на пятки — он устилал поля, леса, города, крыши, небо. Белые мухи обращали вчерашние живописные холсты в графические листы — скупые, чёткие, несколько дьявольские из-за правильностей горизонтали и вертикали. Но вера, что где-то непременно должен быть этот спасительный металлический круг, вела вперёд! Арчи бегал, чтобы согреться. Уставал. Переходил на шаг, переводил дыхание, снова ускорялся. Силы таяли. Они уходили, струились откуда-то из грудины вниз. Стекали в ноги и уходили в мёрзлую, мёртвую землю.

Ближе к утру, обессиленный, он забрёл в проулок возле старой бани. Здесь обычно никто не задерживался. Ни фонарей, ни рекламных огней — в темноте сломать ноги можно. Прохожие торопились, особенно зимой, поскорее миновать мгlistое пространство. Но именно здесь Арчи обнаружил искомое! Люк! Он чернел посреди пространства ровно сбоку от остатков тротуара. Он источал спасительное тепло, которое, показалось, имело специфический запах жизни, надежды и даже счастья. Арчи рухнул на люк. Снизу в него стали проникать светлые нотки возвращения к жизни. Он осмотрелся вокруг. Лёгкий белый пух медленно вальсировал в грозной черноте неба. Он стремился вниз, ласково обнимал за плечи Арчибальда, укрывал, укутывал, согревал.

— Свезло не только старику, но и мне. — Арчи закрыл глаза. Дрёма накатила лёгкой пеленой. Круглый, дырчатый шар луны вынырнул из-за домов, добавил света городским фонарям. Довольно быстро он стал подниматься выше, оттого становился меньше, напор его света слабел, но протягивал пальцы даже в укромные уголки. Он выхватил в проулке возле старой бани Арчи, который сладко спал на старом канализационном люке, произведённом уже несуществующим заводом ещё в позапрошлом веке.

К утру снег окончательно укрыл землю. Зима, действительно, оказалась морозной и затяжной. Но весна пришла в нужный срок. Она растопила белила, взялась за палитру и вернула земле всю её прелесть. Впрочем, так происходит не одну тысячу лет.

Я шёл по проулку возле старой бани. Радовался свежим запахам, они порхали, словно бабочки и стрекозы в тёплый день, но были такими крохотными, что распознать их оказывалось не просто. Солнце пригрело холмы. На их макушках охрилась прошлогодняя трава, из-под которой уже вылупилась мать-и-мачеха. В свежих проталинах ручьи звенели на все лады. У самого тротуара, где в тени ещё лежали снежно-ледяные глыбы — грустные, почерневшие — на металлическом канализационном люке лежал пёс. Казалось, он только что уснул...

«Как же звали тебя, бедолага? Видать, хотел согреться и выжить, а не вышло...» — Я представил себя вот так — на люке, сглотнул слёзы, развернулся и пошёл за лопатой.

Вольный ветер балтийский гоняет в башке облака.
Принимает на грудь берег волн переменчивый бег.
Беспорядочный пляшут бакланы и чайки канкан —
То и дело срываются вниз или — падают вверх.
Мир дождей перемешан с коротким восторгом тепла.
Улыбается Кант из-за прутьев ограды своей...
И, как прежде, железную глотку свою в куполах
Время рвет, не щадя живота, и людей, и цепей —
Все меняется. Сходит на «нет». Распалает висок.
И однажды сюда я еще раз, конечно, вернусь.
Дай мне времени, боже, назначь точный день, новый срок,
Чтоб почувствовать снова балтийскую тихую грусть,
Чтобы знать, что прощаюсь с ажурной салфеткой волны,
Чтоб маяк хитрым глазом мигнул на прощанье разок —
Здесь на самом краю моей сумрачной, странной страны,
Где все титры и рифмы в себя забирает песок.

Воспаленная осень сжигает себя.
Буйство бледных дымов, крылья кленов горячих.
Бесподобно вершит ежегодный обряд.
Может, что-то бывает и ярче, и лучше?
Только осень горчит в горле легкой слезой —
Не вернуться назад, оглянуться — всего лишь.
Между сырых берез я — усталый, больной,
Впереди грустный месяц и русское поле.
Впереди снегопад обещал гидромет,
Он укроет жнивье, спрячет рану на сердце,
Он повязкой тугой спеленает мой след,
Остановит на миг, чтобы мог оглядеться,
Чтобы снова идти сквозь кварталы домов,
Я ведь — сын городской, — и, любовь согревая
В воспаленную осень попасть... и без слов,
Лишь глазами сказать: «Я с тобой, дорогая...»

Осень пахнет совсем не жасмином, а жаль...
В ней усталость смешалась с улыбкой печальной листвы,
И всё ближе к душе подбирается тихая даль...
На бумагу садятся птенцы непонятной и новой главы...
Будет мир продолжаться и после. Качнётся ковыль
Серебром в отдалённой, бессонной, бездонной степи.
Всё банально — мы — гости, мы — листья, мы — стебли травы.
И перо по бумаге нетвёрдо, слабея, скрипит и скрипит.
Струны струй октября перебором неспешным звенят,
И болит в подреберье горячая точка любви.
Сверху ветры врезаются грудью в железный гранит.
Тихо сердце прошу: «Не реви. Не реви. Не реви»...

ФОТОГРАФИРУЮ НИАГАРУ

Холодок отразился в стекле —
С неба падает звёздная пара,
И случается дикий балет,
И гопак, и канкан — Ниагара!
Сон ли? Явь? Кто подскажет ответ?
Глаз горит! Это, братцы, не старость!
Так стремительно тысячи лет
Пролетают. А сколько осталось?
Не сойтись им, увы, никогда!
Впрочем, может, поможет гитара,
Чтоб одна и другая звезда
Обнялись, став одной Ниагарой?!
На цепи старых ходиков грусть
Обнаружит вчерашнюю юность...
Слава богу, что это — мой путь
И его Ниагара коснулась.

КОЛЬСКАЯ ОСЕНЬ

I

(В Мурманске)

Эта осень на Кольском
Просто сводит с ума —
Красок столько, что — скользко!
Ягод — полный карман.

Не стыкуется разум —
Пляжи белых песков —
Море Баренца с лязгом
Катит до облаков,
До снегов бесконечных
Там, за краем земли,
Где сплетается вечер
В танце с блеском зари.
Плечи скал солнце выжгло,
Плети волн иссекли,
Что бы ни было — выжил
Полуострова клин.
Рёбра старых баркасов
Сквозь гранит проросли.
Пароходики басом
Освящают залив.
И вгрызается колко
В сердце солью слеза...
Эту осень на Кольском
Не воротишь назад.

II

В сердце памяти выборка,
Окон — чёрный провал,
Грусть крестов синих выправил
Белый берег у скал.
Кости домиков брошенных
Утонули в песке.
Грузных чаек горошины —
На приливном куске
Ламинарном, не сотканном
Ни ткачом, ни судьбой.
Здесь не меряют сотками
Землю нашу с тобой.
Оборванец полощется —
Флаг — трехцветный, больной.
Заполярная рощица —
По колено, друг мой.
Рыб ловили столетьями,
Жили счастливо, но
Жизнь теперь междометьями:
Между явью и сном.

И клокочет кровавая
В сердце — жуткая выборка.
Начинается с малого
Русь... Отсюда — с Териберки.

III

(У Поклонного креста)

Вот так — на прибрежном ветру, словно лодки,
Останусь однажды и я. А точнее —
Суставы и рёбра, скелет без походки —
Пристанище путник нашёл — не болеет.
И кобальт оградки приют мой последний
Очертит на стылом морском берегу.
Быть может, приедет однажды наследник —
Отсюда, навряд ли, теперь я сбегу.
Хотя... Море тянет в своё оперенье
Бурунов и волн, в глубину, где треска...
Мне пьяный матрос подмигнёт. На мгновенье
Омоет порывистый шквал моряка.
Достанется мне этой пены солёной,
Холодной, упругой — обычный порыв.
Я буду стоять, словно крест наклонённый
На самом ветру. На макушке скалы.

IV

(Корабельное кладбище)

По глотке бьёт Териберка,
Наотмашь — по глазам!
И сердце вот-вот выпрыгнет
Из горла в небеса!
Пират рукой умелою
Разрушил всё, что смог,
А что не смог — то сделало
Безвременье, не бог.
Лишь иногда проявятся
Заблудшие киты,
И берег, словно платицем,
Крестом прикроет стыд.

Унылая, угрюмая,
Безглаза, нагишом
Стоит страна безтрюмая,
Лишь берег моря — шёлк.

V КРАЙ ЗЕМЛИ

Ветер дёргает за плечи —
Край земли, а дальше — вечность.
Белоснежно-нежный вечер
Гонит к берегу волну.
Неба серую полоску
Полосуют чайки хлёстко,
Без ответов и вопросов
Резво режут тишину.
Ребра древнего корвета
Обнимает солнце летом.
Море Баренца приветно
Строит облаков конвой.
Бугорок парит песчаный
На окраине причальной,
А кресты, предел молчанья,
За оградок синевой.
Разольют печаль по кружкам
Рыбаки — в тельняшках души,
И металлом клацнут дружно,
И запляшут кадыки...
Выпьют. Охнут. Дрогнут стулья
И скукожатся Горгульи —
Деревенский вечный улей
Загудит не от тоски!
И покатится веселье
Звонким ручейком весенним.
Только кто-то выйдет в сени —
Сердцем охватить залив.
Гармонист посеет смуту...
Много надо ли? Минута!
Край земли, он здесь как будто?
Здесь... Начало у земли!